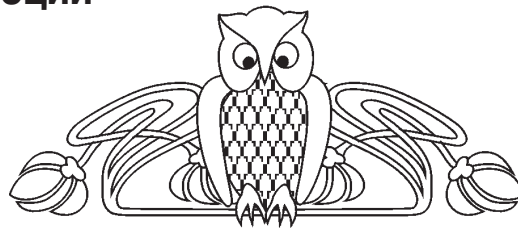

УДК 1(091)

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ РЕВОЛЮЦИЙ В. И. ЛЕНИНА И М. ВЕБЕРА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Рожков Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ выделения субъектов власти в концепциях революций В. И. Ленина и М. Вебера. Историко-философский характер решения поставленной задачи позволяет аргументировать выбор для сопоставления концептуальных положений, отражающих вполне определенные революционные события 1905–1917 гг. в России. Автор доказывает, что различия в теоретических построениях Ленина и Вебера по рассматриваемому вопросу обусловлены, прежде всего, принципиальной разницей в применяемой им методологии. Российский марксист формирует методологическое основание, обращаясь к историческому материализму, формационному и классовому подходам. На этом основании в период революции 1917 г. им аргументируется идея слома буржуазного государственного аппарата и утверждения государства диктатуры пролетариата в форме Советов, объединяющих в своей структуре и представительную, и исполнительную власть, которая опирается на вооруженную силу рабочих, солдат и матросов. Немецкий социолог исходя из понимания смысла действия индивида, личности в создании методологического ресурса изначально апеллирует к отношениям между людьми, к их призванию и профессии. Реализуя этот подход, он рассматривает власть через призму борьбы личностей за господство в государственной системе. Отсюда коренное отличие в их теоретических выводах о субъектах государственной власти на уровне «диктатуры пролетариата» и «господства бюрократии».

Ключевые слова: теория, методология, концепция, революция, политика, власть, государство, насилие, господство, диктатура, класс, группа, народ, интерес, пролетариат, бюрократия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409

Понимание логики определения субъектов государственной власти, обретающих этот статус в ходе социальных революций, такими теоретиками в области социально-философской и социологической мысли как В. И. Ленин и М. Вебер требует предварительного выяснения их методологических позиций. Как известно, выводя теоретические положения о революции и государстве, В. И. Ленин апеллирует к марксизму. Это означает, что в целом его концепция революционной динамики, природы и характера государства, субъекта государственной власти, форм и способов его утверждения в данном статусе должна основываться на методологии исторического материализма, формационном и классовом подходах. В обобщенном системати-

зированном виде их можно представить следующим образом. Прежде всего, государство характеризуется ими как машина господствующего класса, создаваемая для подавления угнетенного класса и его насильственного удержания в состоянии совершающегося подавления. Аргументируя закономерность государственного насилия в письме П. Лафаргу, Ф. Энгельс ссылается на невозможность никакого совместного действия без навязывания некоторому числу людей чужой воли [1, с. 309]. Это навязывание предполагает, в конечном счете, доминирование силы воли одного субъекта над силой воли противостоящего, что, по сути, означает волевое насилие. Власть поэтому можно определить как насильственную реализацию чужой воли доминирующего субъекта. Если учесть, что для К. Маркса и Ф. Энгельса субъектом политики является класс, то вполне понятен их вывод о политической власти как организованном насилии «одного класса для подавления другого» [2, с. 447]. Вполне логично в этом случае усматривать характерный признак государства в выделении социальной группы (класса) властвующих, которые формируют особый аппарат управления, особые отряды вооруженных людей – дружины, армии, полицию и т. п. Этот аппарат, опираясь на вооруженную силу, директирует обществу систему налогов, совокупность законов, выражающих волю властвующих, нормы и правила общежития, подавляет социальные возмущения, отражает внешнюю агрессию, решает задачи по реализации внешнеполитических интересов.

Таким образом, марксизм обосновывал объективность исторической необходимости выполнения государством насильственной функции и определение сущности государства как диктатуры властвующего субъекта – класса. Примером может служить интерпретация К. Марксом и Ф. Энгельсом политического существования государственной власти на различных этапах непрерывной революции, отразившаяся в их высказываниях периода 1848–1850 гг. Как известно, основоположники марксизма обозначали форму и политическую сущность государства

на выделенных трёх этапах революционного процесса следующим образом: конституционное ограничение монархии (диктатура крупной торгово-промышленной буржуазии), демократическая республика (диктатура народа), социально-демократическая республика (диктатура пролетариата) [3, с. 86].

В то же время в работах классиков марксизма просматривается и обращение к широкому социальному смыслу государственной власти как диктатуры определенного класса. Интересны в этом отношении суждения Ф. Энгельса: по его мнению, государство проявлялось и как «официальный представитель всего общества», его «средоточие в виде корпорации», однако, как он полагал, государство являлось «таким лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество» [4, с. 224]. Среди русских марксистов наиболее радикально идеи социальной революции, государства как орудия классового насилия и диктатуры класса, пришедшего к политической власти, воспринял В. И. Ленин. Это проявилось уже в его критике позиций либеральных народников, заявлявших, что единственной задачей государства является охрана экономически слабого. Следует отметить, что, опровергая представления П. Б. Струве о государстве как преимущественно организации порядка, В. И. Ленин с классовых позиций выделяет признаки государства. Показательно, что одним из них он называет публичную власть, не совпадающую с совокупностью вооруженного народа и в силу этого отделенную от народных масс. В его понимании это означало образование особого класса лиц, концентрирующих в своих руках государственную власть и управление.

Такая интерпретация признака публичной власти примечательна, как можно полагать, не только с позиции выявления особенностей государственной формы власти как таковой, но и с точки зрения подхода к актуальной проблеме государственного управления – проблеме бюрократии. Подобная проблематика во всей своей сложности возникает перед В. И. Лениным уже в первые годы советской власти, но в предреволюционный период он сосредоточивает усилия на решении задачи прихода к государственной власти на методологическом основании классового подхода, предполагающего разработку темы субъекта государственной власти на уровне класса: отсюда его призывы к упрочению республиканской традиции среди русских революционеров и широких масс рабочих [5, с. 319]. Они вполне понятны, если учесть, что буржуазная республика в ленинской концепции

рассматривалась как политическая арена борьбы за утверждение диктатуры пролетариата. Позже, с учетом революционной практики 1905 г. выдвижение идеи Советов рабочих депутатов позволило выделить субъект политической власти в лице рабочего класса весьма определенно.

В драматический период революции 1917 г. В. И. Ленин интенсивно работает над проблемами слома буржуазного аппарата государственной власти и конкретной формы диктатуры пролетариата – Советов. На повестку дня выдвигается не парламентская республика, а республика Советов «снизу доверху». Ключевым аргументом, касающимся последней, становится утверждение об аккумуляции в структуре Советов и представительной и исполнительной власти, опирающейся на вооруженную силу рабочих, солдат и матросов. В годы Гражданской войны акцент переносится на обоснование насилия как главного стержня диктатуры пролетариата, которая уже определяется как власть, «не связанная никакими законами». Свидетельством тому является острая полемика с К. Каутским в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г). Одновременно нельзя не отметить смену акцентов в характеристике Советов с позиций проблем с субъектом власти в 1919–1921 гг. Так, если ранее Ленин указывает на принципиальную новизну Советов как органа власти, заключающуюся в том, что этот орган правит непосредственно через народ, в отличие от буржуазного демократического парламента, правящего от имени народа, то в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) он, ссылаясь на низкий культурный уровень трудящихся, признает, что реально Советы представляют органы управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящихся.

Таким образом, субъект власти сужается им до «передового слоя» пролетариата. Показательно, что на этом же съезде он обращает внимание на частичное возрождение бюрократизма. В 1921–1922 гг. это «частичное возрождение» бюрократизма достигло уровня явного зла [6, с. 122–124]. Более того, проявилось «зло» не только советского государственного бюрократизма. Ленин в эти годы обращает внимание и на такой реальный субъект власти, как партийная бюрократия. В противовес обюрокративанию партийного аппарата он предлагает осуществление контроля снизу за работой ЦК и Политбюро путем привлечения к реализации контрольной функции рабочих [7, с. 384]. Следовательно, классовый уровень определения субъекта политической власти и государственного управления в концепции революции В. И. Ленина требовал

корректировки. Можно предположить, что советская бюрократия в годы Гражданской войны проявилась в процессе массового террора через функцию революционного насилия настолько отчетливо, что такие бывшие марксисты, а затем и либералы, как П. Б. Струве, стали иначе, чем до революции, оценивать царскую бюрократию. По его впечатлению, революционная стихия «разнузда» гоголевскую Русь [8, с. 235–237].

Конечно, в приведенных суждениях отразились совершенно противоположные политические позиции, но в них просматривается и нечто общее. И Ленин, и Струве пишут об одном субъекте государственной власти и управления – бюрократии. Следует отметить, что *bureaucrasy* (лат.) характеризуется исследователями неоднозначно. Однако, рассматривая определение, можно выделить в основном два подхода.

В одном случае исходную позицию представляет перевод самого термина, что дает основание определить бюрократию как чиновников государственного аппарата. В другом – к бюрократии подходят как к сложному и противоречивому общественному явлению. В первом варианте акцент делается на профессиональном выполнении группой лиц функций государственного управления. Во втором – бюрократия может исследоваться в различных аспектах, например, как чиновничья администрация, оторванная от народа, его интересов и, следовательно, представляющая интересы экономически и политически доминирующих социальных групп, или как вертикально иерархизированная система управления, а в более широком масштабе – как особая форма организации государства. В последнем варианте бюрократия выявляется как социальный субъект, представленный большой группой людей, естественно выделяющейся в процессе генезиса государственной формы организации общества.

Думается, что в суждениях П. Б. Струве отражается первый, узко аппаратный подход к бюрократии. В то время как для В. И. Ленина, рассматривавшего бюрократию с классовых позиций, присуще широко смысловое понимание «бюрократического зла», связанное с опасностью отрыва от интересов народных масс. Но в таком случае возникает вопрос о причинах его непоследовательности в реализации марксистской методологии выделения объективного фактора социальной дифференциации. Речь идет о таком факторе, как разделение труда. В самом деле, на основе этого критерия марксизмом выделяются большие социальные группы (социальные слои, классы), осуществляющие функционально значимые для самосохранения

и динамики общества как социальной системы виды деятельности. Это – большие социальные группы (классы), реализующие функцию непосредственного производителя в различных сферах материального производства, группы (классы), осуществляющие функцию обмена произведенного продукта, и группы (классы), концентрирующие в своих руках функцию управления. Без реализации функции производства, обмена и управления социальная система, в соответствии с марксистской методологией, разрушается. К тому же, учитывая марксистское положение о разделении умственного и физического труда, В. И. Ленин не мог не предполагать, во-первых, выделения социальных групп (слоев, классов), непосредственно осуществляющих материальное производство (рабочие, крестьяне), с одной стороны, и духовно-интеллектуального производства (интеллигенции) – с другой.

Во-вторых, в этом же контексте у него были основания предвидеть выделение системно значимой социальной группы, осуществляющей управление как функционально необходимый вид деятельности, который, по сути, представляет синтез умственного труда с реализацией воли субъекта власти и управления, т.е. социальной группы бюрократии. На этих основаниях логично полагать, что инъекция в эту социальную группу представителей классов непосредственных производителей (рабочих и крестьян), прошедших соответствующую образовательную подготовку, не минимизирует опасность «бюрократического зла» в его отрыве от интересов народа, так как, в соответствии с марксистской формулой, «бытие определяет сознание». Следовательно, «бытие» в среде бюрократического управления выходцев из рабочих и крестьян (социальных групп непосредственного производителя) должно было со временем соответствующим образом бюрократически определить их сознание в векторном направлении корпорационных интересов, социальной группы бюрократии и, прежде всего, интересов социально-группового самосохранения, когда бюрократия функционирует как самостоятельная, самодостаточная система управления, решающая свои системно-функциональные задачи, которые могут и не совпадать с целями доминирующего классового субъекта.

Как представляется, интересную концепцию выдвигал М. Вебер, рассматривавший бюрократию и как систему администрации, и как тип управления, проявляющийся во всех организациях и политических системах, и как наиболее чистый вид легального господства. Последняя характеристика обосновывается особенностью

методологической ориентации немецкого социолога на исследование власти как борьбы людей (личностей, лидеров, политиков) за государственное господство. И отсюда следует определение государства как господства людей над людьми, предполагающее «легитимное» применение насилия как средства [9, с. 646]. Категория господства, таким образом, не исключала категории насилия аналогично марксистской теории государства. Напротив, при таком подходе она отражала существо государственной власти и, следовательно, имеет методологическое значение для выдвигания концептуальных положений о государстве. Известно, что наряду с традиционным и харизматическим М. Вебер выделял и легально-компетентное господство [9, с. 646–647]. Вот почему определение бюрократии как наиболее чистого вида легального господства обрело теоретически исходный смысл в положениях о субъекте государственной власти, которые концептуально выстраивались социологом в ходе его исследования генезиса «профессионального чиновничества».

Показательно, что, обращаясь к полутысячелетнему опыту этого социального субъекта в Европе, М. Вебер отмечал его организацию на основе разделения труда [9, с. 685]. Нельзя не обратить внимание и на его аргументацию выделения «чиновников-специалистов» и «политических чиновников» [9, с. 660–661]. Кроме того, в ходе анализа динамики буржуазных партий им выявляются партийные чиновники. В последнем случае характерна его ссылка на опасения германской социал-демократии относительно реальности для партии оказаться в плену бюрократизации [9, с. 676]. Не случайно и то, что, называя конституционализм в России 1906 г. псевдоконституционализмом, М. Вебер характеризовал февральский режим 1917 г. как «псевдодемократию», так как полагал, что члены правительства и «думские круги», пожертвовав «коронай», нацелены на «...господство бюрократии и офицерского корпуса», формируемых «исключительно из великорусской среды, над другими народами...» многонационального российского общества [10, с. 25].

Таким образом, можно предположить, что концептуально обозначая в качестве субъекта политической власти в современных для него формах государственной организации государ-

ственную и партийную бюрократию, социолог приходил к выведению такой обобщающей категории, как бюрократический государственный строй [9, с. 650]. В целом, как представляется, все вышеизложенные положения и категории концепции М. Вебера создавали методологическое основание для прогнозирования драматических бюрократических метаморфоз внутри социального субъекта постреволюционной политической власти в России. Очевидно и другое: исследуя бюрократию, М. Вебер акцентировал внимание на политическом существе такого государственного строя, который предполагает не установление диктатуры пролетариата или утверждение общенародного государства и т. п., а противостояние диктатуры бюрократии белого, красного, коричневого, желтого, других цветов и народа на длительную историческую перспективу.

Список литературы

1. *Энгельс Ф.* Энгельс – Полю Лафаргу 30 декабря 1871 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1964. Т. 33. С. 307–310.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
4. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 185–230.
5. *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 303–348.
6. *Ленин В. И.* О чистке партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 44. С. 122–124.
7. *Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 383–388.
8. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М., 1990. 707 с.
9. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. 808 с.
10. *Вебер М.* Переход России к псевдодемократии (1917) // Космополис. 2005. № 3. URL: polit.ru/article/2005/12/02/veber (дата обращения: 25.08.2017).

Образец для цитирования:

Рожков В. П. Субъект власти в концепциях революций В. И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 405–409. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409.

Subject of Force in the Concepts of Vladimir Lenin and Max Weber: Historical and Philosophical Aspect

Vladimir P. Rozhkov

Saratov State University

83, Astrakhansaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

The article shows a comparative analysis between the visions of Vladimir Lenin and Max Weber regarding Subject of Force. The historical and philosophical aspects of this analysis allows to argue the comparison of the concepts of Lenin and Weber during the revolutionary events in the time period 1905–1917. The author proves that the theoretical issues between Lenin and Weber were mainly determined by their conceptual differences of how they apply their methodology. Vladimir Lenin, as a follower of the Marxist doctrine, generated methodological base, by considering historical materialism, formational and class struggle. Based on this concept, during the period of the Russian Revolution of 1917 year, Lenin argued the idea of «smashing» and replacing of the bourgeois state apparatus and the establishing of the «dictatorship of the proletariat» in a form of councils («Sovety»). By the structure, the councils combine both the representative and the executive power, which relies on the armed force of work class, soldiers and sailors. The German sociologist's vision based on Max Weber's understanding of the «methodological individualism», and his focus on the individuals and their actions. Weber appeals to the relationship between individuals, their vocation and profession. Based on this concept, he considered state force through the prism of battle between the individual(s) and state system. Hence the fundamental difference between Lenin and Weber' visions regarding a subject of state force at the level of the «dictatorship of the proletariat» and the domination of bureaucracy.

Key words: theory, methodology, concept, revolution, politics, power, state, violence, domination, dictatorship, class, group, nation, interest, proletariat, bureaucracy.

References

1. Engels F. Engels to Paul Lafargue 30 December 1871. Marx K., Engels F. *Collected works*: in 50 vol. Vol. 44: Letters 1870–1873. London, 2010, pp. 284–287 (Russ. ed.: Engels F. Engels – Polyu Lafargu 30 dekabrya 1871. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1964, vol. 33, pp. 307–310).
2. Marx K., Engels F. *Das the Communistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser*. Leipzig, 1872. 30 S. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Manifest Communisticheskoy partii*. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955, vol. 4, pp. 419–459).
3. Marx K. The Class struggles in France. 1848–1850. Marx K., Engels F. *Collected works*: in 50 vol. London, 2010, vol. 10, pp. 45–147 (Russ. ed.: Marx K. *Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850 gg.* Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1956, vol. 7, pp. 5–110).
4. Engels F. *Die Entwicklung des of sozialismus von der utopie zur Wissenschaft*. Hottingen, Zurich, 1872. 189 p. (Russ. ed.: Engels F. *Razvitie sotsializma ot utopii k nauke*. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1961, vol. 19, pp. 185–230).
5. Lenin V. I. Agrarnaya programma russkoy sotsialdemokratii [The agrarian programme of Russian social-democracy]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1972, vol. 6, pp. 303–348 (in Russian).
6. Lenin V. I. O chistke partii [About cleaning party]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1974, vol. 44, pp. 122–124 (in Russian).
7. Lenin V. I. Kak nam reorganizovat Rabkrin [As we reorganize Rabkrin]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1975, vol. 45, pp. 383–388 (in Russian).
8. Struve P. B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsionalnye zadachi [The historical meaning of the Russian revolution and national tasks]. *Iz glubiny*: sb. st. o russkoy revolyutsii [From the depths: A collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, 1990. 707 p. (in Russian).
9. Weber M. *Politik als Beruf. Gesammelte Politische Schriften*. Tubingen, 1980. S. 505–560 (Russ. ed.: Weber M. *Politika kak prizvanie i professiya*. Weber M. *Izbr. proizv.* Moscow, 1990. 808 p.).
10. Weber M. Perekhod Rossii k psevdodemokratii [The Russia's transition to pseudodemocracy]. *Cosmopolis* [Cosmopolis], 2005, no. 3. Available at: polit.ru/article/2005/12/02/weber (accessed 25 August 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Rozhkov V. P. Subject of Force in the Concepts of Vladimir Lenin and Max Weber: Historical and Philosophical Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 405–409. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409.